

10. Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz>. — Дата доступа: 03.03.2011.

11. По запросу Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации : Определение Конст. Суда Рос. Федерации, 06.12.2001 г. № 250 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф 2012 [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2011.

12. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2005. — Режим доступа: <http://www.pravo.by>. — Дата доступа: 25.11.2011.

13. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org>. — Дата доступа: 25.11.2011.

14. О позиции Конституционного Суда Республики Беларусь по Закону Республики Польша «О Карте поляка» : решение Конст. Суда Респ. Беларусь, 7 апр. 2011 г., № П-258/2011 // Конституционный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Конст. Суд Респ. Беларусь. — Минск, 2011. — Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=23203>. — Дата доступа: 10.10.2011.

FUTURE DEVELOPMENT ISSUES OF NATIZONALITY IN THE LIGHT OF MIGRATION OF RELATIONS BETWEEN THE UNITED ECONOMIC SPACE

A. Grigoriev

The article is devoted to Multiple Nationality, which is one of complicated institutions of international law. The author tries to define the essence of the phenomenon and ways of its development, with increased migration in the development of integration relations of Belarus.

Статья поступила в редакцию 30. 05. 2012 г.

ПОВЕДЕНИЕ ULTRA VIRES ОРГАНОВ ИЛИ АГЕНТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОСНОВАНИЕ ЕЕ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Е. А. Дейкало

Статья посвящена одному из оснований международно-правовой ответственности международных организаций — деянию ее органов или агентов,

совершенных с превышением полномочий (деяний ultra vires). Автор концентрирует внимание на особенностях, связанных с применением нормы о приписании таких деяний в правоотношениях ответственности, возникающих с участием международных организаций. Такие особенности прежде всего связаны со спецификой определения понятия «поведение ultra vires международной организации».

В международном праве существует общее правило о том, что в рамках правоотношений ответственности субъекту присваивается поведение его органов, а также иных лиц или образований, действующих в своем официальном качестве по указанию, под руководством или контролем таких органов, т. е. в рамках своих полномочий. Данное правило нашло отражение в двух проектах статей об ответственности, подготовленных Комиссией международного права ООН (далее — КМП) (ст. 4 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. (далее — ПСОГ) [1] и ст. 6 Проекта статей об ответственности международных организаций (далее — ПСОМО) [2]). Здесь необходимо четко разграничивать случаи, когда лицо действует от имени государства либо организации и случаи, когда лицо действует в частном качестве. В последнем случае его деяния не могут служить основанием ответственности субъекта международного права.

Вместе с тем в комментарии к ст. 4 ПСОГ отмечается, что сугубо частное поведение не стоит путать с поведением в своем официальном качестве, однако в нарушение указаний или норм, регулирующих деятельность данного лица либо органа, т. е. с поведением, превышающим полномочия (поведением ultra vires). В таком случае лицо все равно считается действующим от имени государства [1, с. 83]. Относительно государств принцип ответственности за деяния ultra vires своих органов или должностных лиц закреплен в ст. 7 ПСОГ. КМП отмечает, что на сегодня данная норма прочно закрепились в международной юриспруденции, что подтверждается как доктриной, так и судебной практикой [1, с. 93—95].

При разработке темы ответственности международных организаций КМП перенесла это правило и в новый проект. В ПСОМО, принятом в первом чтении (2009 г.), оно было закреплено в ст. 6 [3]. В статьях об ответственности международных организаций, принятых во втором чтении (2011 г.), данное правило с некоторыми изменениями закреплено в ст. 8. Однако следует отметить, что данная норма, как и многие перенесенные в ПСОМО из ПСОГ, имеет определенные особенности в применении к международным организациям.

Данные особенности в первую очередь связаны со *спецификой определения понятия «деяние ultra vires международной организации».*

В международном праве не существует однозначного и общепринятого определения действий ultra vires органов или должностных лиц междуна-

родной организации. Однако в доктринальных источниках, в которых затрагивается этот вопрос, в данное понятие включаются, *во-первых*, поведение должностного лица или органа организации, выходящее за рамки компетенции этой организации, и, *во-вторых*, поведение должностного лица или органа организации, находящееся в рамках компетенции данной организации, но выходящее за рамки полномочий самого такого органа или должностного лица. Японский юрист Т. Юки определяет два данных аспекта поведения *ultra vires* как «внешнее» и «внутреннее» поведение *ultra vires* соответственно [4, с. 238]. Другой японский ученый Е. Осеки называет эти два типа действий соответственно «основное» и «процедурное» поведение *ultra vires* [5, с. 243].

В судебной практике также можно найти косвенное разделение на «внешнее» и «внутреннее» поведение *ultra vires*. Это было сделано в Консультативном заключении Международного Суда ООН (далее — МС ООН) 1962 г. «Об определенных расходах ООН» [6, с. 168]. В данном деле речь шла о возможности признать расходами ООН расходы, которые были утверждены в определенных резолюциях Генеральной Ассамблеи в связи с операциями ООН в Конго и на Ближнем Востоке. Речь шла о том, что решение вопросов о выделении средств для финансирования мер, направленных на поддержание мира и безопасности, не входит в компетенцию Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН), так как такие вопросы должны рассматриваться исключительно Советом Безопасности ООН (далее — СБ ООН) [6, с. 153, 157—159]. В этом заключении впервые была признана возможность присвоения международной организации действий *ultra vires* органов данной организации.

Шриланкийский юрист С. Амерасингх выделяет ряд конкретных элементов, раскрывающих понятие действия *ultra vires* международной организации. Во-первых, это действия органов или должностных лиц организации; во-вторых, полномочия, которые были превышены, могут вытекать из устава либо из вторичного права организации; в-третьих, такие полномочия могут быть прямо закреплены в документах либо их наличие может следовать из текста документов; в-четвертых, превышение данных полномочий должно затрагивать права иных субъектов, нежели органы данной международной организации либо сама такая организация [7, с. 167].

В комментарии к статье ст. 8 ПСОМО отмечается, что поведение *ultra vires* может находиться в пределах полномочий организации, но превышать полномочия органа или агента. Такое поведение также может выходить за рамки компетенции самой организации [2, с. 107]. В связи с этим возникает еще одна особенность в применении рассматриваемой нормы по отношению к международным организациям — ***соотношение данной нормы с принципом специализации***, который лежит в основе функционирования международных организаций.

Данная проблема была затронута многими международными организациями, комментировавшими ПСОМО. Так, Интерпол в своих комментариях к статьям, принятым в первом чтении, указывал, что в той степени, в которой в проекте ст. 6 речь идет о ситуациях, когда акт *ultra vires* выходит за рамки компетенции организации, предлагаемое правило становится не совсем понятным, так как в связи с тем, что международные организации функционируют в соответствии с принципом специализации, невозможно безоговорочно вменять им в ответственность действия, выходящие за пределы сферы их компетенции [8, с. 30]. В совместном комментарии, представленном от имени 13 международных организаций (в частности, Международной организации гражданской авиации, Международной морской организации, Международной организации труда, Международной организации по миграции и др.) к статьям, принятым во втором чтении, особо подчеркивалось, что при формулировке данного положения необходимо обеспечить лучший баланс между присвоением деяний *ultra vires* и защитой третьих сторон, с одной стороны, и между принципом специализации и тем фактом, что агент или орган, совершающий деяния *ultra vires*, действует за пределами мандата и функций, возложенных на международную организацию ее членами, с другой [9, с. 26].

На наш взгляд, вывод Интерпола не совсем обоснован и не может следовать из принципа специализации. Действительно, международные организации могут действовать лишь в пределах тех прав и полномочий, которые закреплены или подразумеваются их уставом, однако в данном контексте необходимо вернуться к специфике определения деяния *ultra vires* международной организации. Нарушение принципа специализации как раз и является «внешним» деянием *ultra vires* международной организации. То есть реально вопрос о соотношении принципа специализации и нормы о присвоении поведения *ultra vires* может возникнуть далеко не во всех случаях такого поведения, а только если речь идет о выходе за рамки компетенции самой организации, т. е. о «внешнем» деянии *ultra vires*.

В связи с этим необходимо отметить, что в судебной практике в делах, касающихся деяний *ultra vires*, в большинстве случаев говорилось о выходе за рамки своих полномочий *органом* либо *агентом* организации.

Так, в уже упомянутом Консультативном заключении по делу об определенных расходах ООН 1962 г. речь шла о действии *ultra vires* Генеральной Ассамблеи ООН [6, с. 157–159]. В Консультативном заключении МС ООН по делу Межправительственной консультативной организации по морскому судоходству (ИМО) 1960 г. затрагивался вопрос превышения полномочий Ассамблеи ИМО [10, с. 151]. В деле, касающемся опротестования юрисдикции Совета Международной организации гражданской авиации (ИКАО), рассмотренном МС ООН в 1972 г., говорилось о превышении полномочий Совета ИКАО [11, с. 50–51].

В одном случае дело касалось превышения полномочий конкретного агента организации. В Консультативном заключении по делу о споре относительно судебного-процессуального иммунитета Специального докладчика Комиссии по правам человека 1999 г., упомянутом в предыдущей главе, основной вопрос касался определения официального качества Специального докладчика по вопросу независимости судей и адвокатов Д. Кумурасвами. Однако в данном деле Суд вскользь также касался вопроса превышения его полномочий. В частности, затрагивался вопрос о том, был ли тот факт, что Д. Кумурасвами дал интервью журналу «International Commercial litigation», превышением его полномочий. В Консультативном заключении отмечалось, что мандат Д. Кумурасвами предусматривает задачи, включающие, в частности, расследование существенных утверждений, касающихся независимости судей, адвокатов и судебных работников, а также выявление и регистрацию посягательств на эту независимость [12, с. 84–86]. Далее Суд отмечал, что для специальных докладчиков Комиссии контакты со средствами массовой информации являются обычной практикой, поэтому, давая данное интервью, он не превысил своих полномочий [12, с. 86].

Только в одном случае вопрос ставился о выходе за рамки компетенции *самой организации*. Так, еще в Консультативном заключении, вынесенном ППМП в 1922 г., речь шла о компетенции Международной организации труда (МОТ) по регулированию некоторых вопросов, касающихся сельскохозяйственного производства [13, с. 10].

Необходимо отметить, что практически во всех этих делах Суд признавал соответствующие действия органов и агентов международной организации *intra vires* действиями, т. е. совершенными в рамках своей компетенции и в рамках компетенции организации. Лишь в двух случаях (в одном — деяния органа организации, в другом — деяния самой организации) такие действия были признаны совершенными с превышением полномочий.

В деле о компетенции МОТ, рассмотренном ППМП, речь шла о включении в повестку третьей сессии МОТ ряда вопросов, связанных с условиями труда в области сельскохозяйственного производства. Правительства Швейцарии и Франции заявили о том, что данные вопросы должны быть сняты с повестки сессии, так как не входят в компетенцию МОТ [13, с. 10, 52]. ППМП пришла к выводу, что осуществление международного регулирования вопросов, связанных с условиями труда лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве, входит в компетенцию МОТ. Относительно второго вопроса, касающегося изучения предложений по совершенствованию средств сельскохозяйственного производства, было определено, что он не входит в компетенцию МОТ и, соответственно, любая связанная с этим деятельность МОТ является действиями, выходящими за рамки компетенции данной организации [13, с. 43, 59].

В Консультативном заключении МС ООН по делу ИМО 1960 г. перед Судом был поставлен вопрос о соответствии создания Морского комитета по безопасности мореплавания ИМО Уставу этой организации. Дело в том, что согласно Уставу ИМО такой комитет должен состоять из 14 членов, избранных из числа государств — членов ИМО, имеющих особый интерес в сфере безопасности мореплавания, включая 8 крупнейших судоходных держав (ст. 28 (а)) [10, с. 154]. Ассамблее ИМО был представлен список, в котором все государства-члены были расставлены в убывающем порядке в зависимости от общей грузоподъемности судов данных государств. В этом списке в число первых восьми государств входили Либерия и Панама. Однако ни одна из этих стран не была избрана Ассамблеей в Комитет по безопасности мореплавания. Таким образом, встал вопрос о толковании Ассамблеей положений ст. 28 Устава.

В Суде утверждалось, что Ассамблея была уполномочена определять, кто из государств — членов ИМО относится к крупнейшим судоходным державам и державам, имеющим особый интерес в сфере безопасности мореплавания. При определении данных государств Ассамблея вправе исключить тех, кто, по ее мнению, не относится к крупнейшим судоходным державам [10, с. 158]. Однако Суд отметил, что если толковать ст. 28 (а) как дающую Ассамблее право выбирать эти страны без проверки каким-либо объективным критерием, то структура статьи, призванная обеспечить большинство таких стран в Комитете, может не сработать. Очевидно, что должен применяться объективный критерий, каким, по мнению Суда, является общая грузоподъемность судов государства [10, с. 159—160]. Таким образом, Суд пришел к выводу, что его (Суда) толкование ст. 28 (а) «соответствует основной цели и особым функциям Комитета по безопасности мореплавания» и тот факт, что Ассамблея не избрала Либерию и Панаму в Комитет несмотря на то, что они были в числе первых восьми государств, в соответствии с критерием общей грузоподъемности их судов, свидетельствует о том, что Ассамблея ИМО нарушила положения ст. 28 (а) [10, с. 171—172].

Рассматривая эти примеры, необходимо отметить, что среди авторов, затрагивающих в своих исследованиях вопросы, связанные с деяниями *ultra vires* организации, не наблюдается единства мнений относительно релевантности второго примера для подтверждения признания действий органов организации деяниями *ultra vires*. Так, Т. Юки приводит в качестве примера решение МС ООН по делу ИМКО 1960 г. как подтверждение злоупотребления полномочиями органов организации, выделяя это в качестве отдельного основания международно-противоправного деяния организации [4, с. 241—242]. При этом данный автор четко разделяет злоупотребление полномочиями и превышение полномочий, определяя в качестве разграничительного критерия «неверные цели» осуществления конкретных полномочий. То есть, в отличие от деяний *ultra vires*, в случае злоупотребления полномо-

чениями орган действует в рамках своих полномочий, однако осуществляет их во исполнение ненадлежащих целей [4, с. 243].

Однако следует отметить, что в основе функционирования органов международной организации лежит принцип функциональности, в соответствии с которым органы организации наделяются определенными полномочиями для исполнения конкретных функций и целей [14, с. 13]. Таким образом, осуществление предоставленных полномочий во исполнение ненадлежащих целей, на наш взгляд, может рассматриваться как выход за рамки данных полномочий.

И. И. Лукашук в контексте ответственности государств считает злоупотребление полномочиями (примером которого считает, в частности, взятку) одним из видов поведения должностного лица *ultra vires* [15, с. 138]. С нашей точки зрения, нельзя утверждать, что злоупотребление полномочиями — это один из видов превышения полномочий. В данном случае мы согласны с Т. Юки в том, что эти понятия следует разграничивать. Злоупотребление полномочиями следует включить в понятие «деяния *ultra vires*» органов организации наряду с превышением полномочий.

Рассматривая проблему ответственности международной организации за деяния *ultra vires* органов этой организации, ряд юристов акцентирует внимание не столько на противоправности таких деяний, сколько на их **юридической силе**. Как отмечает С. Амерасингх, основными вопросами, которые предстоит выяснить при рассмотрении проблемы деяний *ultra vires* международной организации, являются вопросы о том, имеют ли такие деяния юридическую силу и, соответственно, могут ли повлечь определенные правовые обязательства [7, с. 165].

Вопрос о юридической силе деяний *ultra vires* органов организации был затронут в особом мнении судьи Г. Морелли к Консультативному заключению МС ООН по делу об определенных расходах ООН 1962 г. Он отмечал, что существуют случаи, в которых деяния «*ultra vires*» могут быть признаны не имеющими никакой юридической силы, т. е. ничтожными и, как следствие, не влекущими никаких юридических последствий [16].

Таким образом, говоря о юридической силе деяний *ultra vires* в контексте международно-правовой ответственности, юристы, затрагивающие этот вопрос, отстаивают прежде всего тезис о том, что если такие деяния имеют юридическую силу, то можно ставить вопрос об их противоправности, иначе — вопрос о квалификации этого деяния как противоправного не стоит.

О юридической недействительности, ничтожности деяний, бесспорно, можно говорить в рамках национального права, а также в рамках международного административного права. Однако применение этого принципа в отношении действий органов организации в рамках международно-правовой ответственности международной организации представляется затруднительным. Дело в том, что юридическая недействительность определенных актов может наступить лишь вследствие признания данных актов таковыми (т. е.

ничтожными) компетентными органами. В национально-правовой системе такими органами являются суды, в системе внутреннего права организации, регулирующей трудовые правоотношения с персоналом, — административные трибуналы. В международном институциональном праве отсутствует система принудительного судебного контроля, т. е. отсутствует орган, наделенный полномочиями выносить окончательное и обязательное решение относительно юридической действительности того или иного деяния органа международных организаций.

На это было особо обращено внимание МС ООН в Консультативном заключении 1962 г. по делу об определенных расходах ООН [6, с. 168]. Н. К. Динь, П. Дайе и А. Пелле в связи с этим высказывают предположение о том, что выходом из такой ситуации было бы создание иерархической системы, объединяющей все организации в некую институциональную структуру, на вершине которой находится верховный орган, наблюдающий за деятельностью всех остальных организаций [17, с. 378]. Данное высказывание представляется, по меньшей мере, утопичным, что подтверждается самими авторами, которые далее отмечают, что даже в системе ООН различные специализированные учреждения просто координируют свою деятельность с ООН [17, с. 378].

Пожалуй, единственным примером существования органа, наделенного полномочиями выносить окончательное и обязательное решение относительно юридической действительности того или иного деяния органа международных организаций, является Суд Европейского Союза, который обладает юрисдикцией по надзору за актами Совета и Комиссии ЕС (ст. 262 Договора о функционировании ЕС) [18, с. 67–68].

Естественно, государства-члены могут оспорить правомерность того или иного решения органа организации, однако в этом случае сам такой орган должен решать, противоречат ли его деяния уставу и возложенным на него полномочиям или нет. Исходя из проанализированной выше прецедентной практики, можно сделать вывод, что чаще всего в таких ситуациях органы международных организаций принимают решение о правомерности своих деяний, что не всегда оправданно.

В связи с этим не следует ставить ответственность организации за деяния *ultra vires* ее органов в зависимость от юридической действительности таких деяний, так как в некоторых случаях это может послужить неоправданной причиной избежания ответственности.

В комментарии к ст. 8 ПСОМО отмечается по этому поводу, что данная статья касается лишь присвоения поведения *ultra vires* и не предпринимает вопроса о том, является ли деяние *ultra vires* действительным в соответствии с правилами организации. Даже если деяние было признано недействительным, оно может повлечь за собой ответственность организации. Необходимость защиты третьих сторон требует такого присвоения, которое не ограничивалось бы деяниями, рассматриваемыми как действительные [2, с. 108].

При этом ключевым моментом при присвоении поведения в данной ситуации, как и в ситуации с деяниями, совершенными в рамках своих полномочий, является то, что должностное лицо или агент, совершая деяние *ultra vires*, должен действовать в своем официальном качестве. Как отмечает польский исследователь Е. Буткевич, наличие функциональной связи между органом или агентом и организацией является условием *sine qua non* для присвоения организации актов *ultra vires* ее органов или агентов [19, с. 139]. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что формулировка данной статьи, принятая КМП в первом чтении не содержала прямого указания на официальное качество [3]. Там содержалась перенесенная из ПСОГ не совсем ясная конструкция «действует в этом качестве». Учитывая особую значимость элемента наличия функциональной связи для присвоения поведения организации в рассматриваемом случае, КМП внесла уточнение в текст рассматриваемой статьи, принятой во втором чтении, и закрепила в ст. 8 ПСОМО прямое указание на официальное качество органа или агента организации.

В заключение следует отметить, что применение к международной организации рассматриваемой нормы, безусловно, сопряжено с большими сложностями, в отличие от применения соответствующей нормы в правоотношениях с участием государств. В данном случае имеет место специфика, связанная с особенностями определения понятия «деяния *ultra vires* международной организации», соотношением принципа специализации и данной нормы, вопросом юридической действительности деяний *ultra vires* международной организации.

Необходимо подчеркнуть, что формирование общего принципа ответственности организации за деяния *ultra vires* ее органов или агентов и включение этого принципа в ПСОМО прежде всего обусловлены необходимостью защиты интересов третьих лиц. Е. Буткевич подчеркивает, что несение ответственности за деяния *ultra vires* своих органов или агентов оправдано необходимостью укрепления доверия к международной организации ее контрагентов [19, с. 138]. Поэтому наличие такого положения в ПСОМО и дальнейшее развитие и совершенствование данной нормы с учетом всех особенностей в применении к международным организациям будет способствовать эффективному функционированию института международно-правовой ответственности международных организаций.

Литература

1. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. со смежными комментариями // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии : док. ООН: А/56/10. Нью-Йорк : ООН, 2001. — С. 46—379.

2. Проект статей об ответственности международных организаций с комментариями, принятый во втором чтении // Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей сессии : док. ООН: A/66/10. Нью-Йорк : ООН, 2011. — С. 77–201.

3. Тексты проектов статей об ответственности международных организаций, принятые Комиссией международного права в первом чтении с комментариями // Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят первой сессии : док. ООН: A/64/10. Нью-Йорк : ООН, 2009.

4. *Ueki, T.* Responsibility of international organizations and the role of the International Court of Justice / T. Ueki // *Liber amicorum judge Shigeru Oda.* — 2002. — P. 237–249.

5. *Osieke, E.* The validity of ultra vires decisions of international organizations / E. Osieke // *Asian j. of international law.* — 1983. — P. 239–246.

6. Certain expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2 of the Charter): advisory opinion of 20 July 1962 // *International Court of Justice reports.* — The Hague, 1962. — P. 174–189.

7. *Amerasinghe, C. F.* Principles of the institutional law of international organizations / C. F. Amerasinghe. — Great Britain : Cambridge University Press, 1996. — 505.

8. Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания международных организаций : док. ООН : A/CN.4/556. Нью-Йорк : ООН, 2005.

9. Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания международных организаций : док. ООН : A/CN.4/637. Нью-Йорк : ООН, 2011.

10. Constitution of the maritime safety committee of the intergovernmental maritime consultative organization: advisory opinion of 8 June 1960 // *International Court of Justice reports.* — The Hague, 1960. — P. 150–172.

11. Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO council (India v. Pakistan) : judgment of 18 august 1972 // *International Court of Justice reports.* — The Hague, 1972. — P. 46–75.

12. Difference, relating to immunity from legal process of a Special rapporteur of the Commission on human rights: advisory opinion of 29 April 1999 // *International Court of Justice reports.* — The Hague, 1999. — P. 62–91.

13. Competence ILO to regulate agricultural production: advisory opinion, given by the Court on August 12, 1922 // *Collection on advisory opinion: publications of the Permanent Court of International Justice.* — 1922. — Series B. — № 2–3. — P. 10–61.

14. *Барковский, И. А.* Правотворческая деятельность международных организаций: теоретические аспекты и современные тенденции / И. А. Барковский // *Журн. междунар. права и междунар. отношений.* — 2003. — № 2. — С. 12–19.

15. *Лукашук, И. И.* Право международной ответственности / И. И. Лукашук. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 432 с.

16. Separate opinion of Judge Morelli / Certain expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2 of the Charter): advisory opinion of 20 July 1962 // *International Court of Justice reports.* — The Hague, 1962. — P. 216–226.

17. *Динь, Н. К.* Международное публичное право: Т. 1, кн. 2: Международное сообщество / Н. К. Динь, П. Дайе, А. Пелле / пер. с фр. — Киев : Сфера, 2000. — С. 243–440.

18. Договор о функционировании Европейского Союза // Право Европейского союза [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu>. — Дата доступа: 01.09.2011.

19. *Butkiewicz, E.* The premises of international responsibility of inter-governmental organizations / E. Butkiewicz // Polish yearbook of international law. — 1981—1982. — Vol. 11. — P. 117—140.

THE CONDUCT ULTRA VIRES OF AN ORGAN OR AN AGENT OF INTERNATIONAL ORGANIZATION AS THE GROUND OF ITS INTERNATIONAL RESPONSIBILITY

E. Deikalo

The article is devoted to the one of the grounds of international organizations responsibility — to the act of its organs or agents, exceeded the authority (ultra vires act). The author concentrates on the specific features, connected with the application of the ultra vires acts attribution rule in the legal relations with the participation of international organizations. First of all, such specific features are connected with the determination of the notion «ultra vires act of international organization».

Статья поступила в редакцию 30.05.2012 г.

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОНТРМЕР В ПРИМЕНЕНИИ ЦЕЛЕВЫХ САНКЦИЙ РЕГИОНАЛЬНЫМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Е. Ф. Довгань

В настоящей статье исследуются характерные черты и условия применения института контрмер, дается оценка возможности применения целевых санкций региональными международными организациями в порядке контрмер.

Одной из наиболее характерных черт XXI века в области поддержания международного мира и безопасности является отказ международных организаций от применения всеобъемлющих санкций и использование ими принудительных мер в отношении негосударственных субъектов, включая физические лица и организации. Такие меры активно применяются как Советом Безопасности ООН, так и региональными международными организациями. Наиболее ярким примером в данной области является Европейский союз,